На правах рукописи

Кузьминых Александр Леонидович

ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ: 1939—1949 гг.

(на материалах Вологодской и Архангельской областей)

07. 00. 02. — Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Вологда
2003

Диссертация выполнена на кафедре отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор **В. Б. Конасов**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор **А. И. Борозняк**

кандидат исторических наук **С. Н. Цветков**

Ведущая организация –
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Защита состоится 26 декабря 2003 года в 15 часов на заседании Диссертационного совета КМ. 212. 031. 01 по присуждению ученой степени кандидата исторических наук в Вологодском государственном педагогическом университете по адресу: 160035, г. Вологда, проспект Победы, 37, ауд. 78.

С диссертацией можно ознакомится в библиотеке Вологодского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан 21 ноября 2003 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

С. Г. Карпов

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Вторая мировая война вошла в историю как тотальный военный конфликт, приведший к огромным материальным, культурным и людским потерям. Одной из многочисленных категорий жертв войны были военнопленные. Только во власти Германии в 1941—1945 гг. находилось более 5,7 млн. советских военнопленных, из которых 3,3 млн. погибли. В свою очередь, СССР захватил в плен свыше 4 млн. чел. На территории Советского Союза оказался целый «лагерный интернационал», вобравший в себя представителей более 30 национальностей.

На сегодняшний день в исторической науке еще не раскрыта специфика дислокации и структуры лагерей Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР как в целом по Советскому Союзу, так в рамках отдельных областей и регионов. Не проанализирована эволюция лагерных комплексов. Между тем уже первые исследования на местных материалах позволяют говорить, что в размещении, жизнеобеспечении и трудовом использовании военнопленных наблюдались существенные различия. География и специфика труда накладывали отпечаток на продовольственное и вещевое обеспечение пленных, качество их медицинского обслуживания и, как следствие, на динамику заболеваемости и смертности. Потребность той или иной области, края или республики СССР в рабочей силе самым прямым образом сказывалась на сроках пребывания в плену. Можно с уверенностью говорить о том, что история военного плена в СССР будет считаться изученной только в том случае, если будут выявлены особенности содержания военнопленных в различных регионах Советского государства. Равным образом, история военного и послевоенного периода отдельных областей, краев и республик бывшего СССР не может быть всесторонней и объективной, если в ней не нашло отражение пребывание значительного контингента бывших военнослужащих неприятельских армий. В этой связи исследование истории пребывания иностранных военнопленных на Европейском Севере представляется весьма актуальным.

Сегодня проблема иностранных военнопленных в СССР является одним из важных вопросов в международных отношениях России с целым рядом государств, в том числе с Германией, Австрией, Польшей, Финляндией, Италией, Венгрией, Японией. В этих странах живут тысячи бывших солдат и офицеров, для которых Вторая мировая война и советский плен навсегда останутся неотъемлемой частью их жизни. Многие бывшие военнопленные, равно как и их родственники, заинтересованы в поиске и изучении архивных документов, которые касаются их личной судьбы, мест захоронений, реабилитации незаконно осуж-

денных. Разумеется, историки также заинтересованы в составлении списков погибших в плену и пропавших без вести, в выявлении документов, позволяющих пролить свет на судьбу того или иного человека. В этой связи воссоздание целостной и объективной картины пребывания иностранных военнопленных в плену СССР должно рассматриваться как важный шаг на пути укрепления доверия, дружбы и сотрудничества между Российской Федерацией и другими государствами.

Объектом исследования являются иностранные военнопленные Второй мировой войны, **предметом** — их положение на Европейском Севере, т. е. правовой статус, размещение, материально-бытовое обеспечение и трудовое использование.

Территориальные рамки работы включают в себя территорию Вологодской и Архангельской областей, занимающих центральное положение на Европейском Севере как в географическом, так и в экономическом отношении. В 1939—1949 гг. здесь дислоцировались 16 лагерей и 10 спецгоспиталей, через которые прошли свыше 85 тыс. вражеских солдат и офицеров. Особенностью указанного региона является то обстоятельство, что система лагерей УПВ-УПВИ-ГУПВИ развивалась здесь непрерывно на протяжении 1939—1949 гг., тогда как в соседних регионах подобной преемственности не наблюдается. Это дает нам возможность проследить развитие системы лагерей для военнопленных в течение десятилетнего периода их существования, а также рассмотреть эволюцию политики Советского государства по отношению к оказавшимся в его власти неприятельским военнослужащим и выявить механизмы ее реализации в отдельно взятом регионе. Вне рамок диссертационной работы остается Коми АССР, на территории которой дислоцировались лагеря для содержания осужденных военных преступников, входящие в структуру ГУЛАГа НКВД-МВД СССР.

Хронологические рамки работы охватывают период с сентября 1939 г. по ноябрь 1949 г. Нижняя временная граница определяется тем, что именно в сентябре-октябре 1939 г. на территорию региона поступают первые партии пленных. Верхний рубеж обусловлен расформированием лагерей и отправкой последних военнопленных на родину в 1949 г.

Историография проблемы. В изучении истории иностранных военнопленных в СССР целесообразно выделить два периода: вторая половина 1940-х — конец 1980-х гг. и с начала 1990-х г. по настоящее время.

Отличительной особенностью первого периода историографии является ее безусловная связь с идеологическим противостоянием эпохи «холодной войны», а также односторонность источниковой базы, представленной преимущественно воспоминаниями бывших военнопленных и материалами периодической печати.

Первые исследования, посвященные проблеме военного плена Второй мировой войны, появляются в конце 1940-х гг. Если советские историки (А. Б. Амелин, Б. Ц. Урланис) в своих работах обосновывали мысль о гуманном отношении Советского государства к пленным в годы Великой Отечественной войны, то их германские коллеги (Г. Арнтц, К. Пфеффер) писали о нарушении норм международного права со стороны СССР, что, в свою очередь, привело к гибели в советском плену не менее 1,2 млн. их соотечественников.

В 1960—1970-е гг. в ФРГ проблема военнопленных была объявлена приоритетным исследованием, получившим поддержку на правительственном уровне. В результате увидел свет 15-томный труд «История немецких военнопленных Второй мировой войны», повествующий о пребывании бывших солдат и офицеров вермахта в СССР[1]. Однако односторонний характер источниковой базы, представленной в основном воспоминаниями бывших военнопленных, не позволил авторам и составителям документального сериала добиться объективности научного анализа и избежать тенденциозных оценок.

В начале 1980-х гг. на очередном витке «холодной войны» на Западе выходит целый ряд публикаций, обвинявших СССР в нарушении режима военного плена. О позиции западных ученых красноречиво свидетельствует само название книг: «Жизнь и страдания германского солдата за колючей проволокой», «Сталинская юстиция против немецких солдат», «Пропавший миллион»[2]. Большой международный резонанс произвели изданные на Западе книги Я. Заводного и Л. Ежевского, которые возлагали вину за массовый расстрел 15 тыс. польских офицеров под Смоленском на органы НКВД[3].

В отличие от стран Запада в бывшем СССР изучение проблемы военного плена было негласно запрещено. Официальное признание получила лишь тема деятельности Национального комитета «Свободная Германия». Целям и задачам антифашистского движения, участию пленных в работе по разложению войск противника посвятили свои диссертации и монографии А. С. Бланк, Д. К. Зебров, Л. И. Гинцберг, Н. Г. Погребной[4].

---

[1] Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges (Bd. 1—22). — München, 1962—1974.

[2] *Carrell P., Böddeker G.* Die Gefangenen. Leben und Überleben deutscher Soldaten hinter Stacheldraht. — Frankfurt-Berlin-Wien, 1980; *Lang M.* Stalins Strafjustiz gegen deutsche Soldaten. Die Massenprozesse gegen deutsche Kriegsgefangene in den Jahren 1949 und 1950 in historischer Sicht. — Herford, 1981; *Smith A.* Die «vermißte Million». Zum Schicksal deutscher Kriegsgefangenen nach dem Zweiten Weltkrieg. — München, 1991.

[3] *Zawodny J. K.* Death in the forest: the story of the Katyn forest massacre. — Notre Dame, 1962; *Jezewski L.* Dzieje sprawy Katynia. — W-wa, 1980.

[4] *Бланк А. С.* Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943—1945. — Вологда, 1963; *Гинцберг Л. И.* Борьба немецких патриотов против фашизма (1939—1945). — М., 1987; *Зебров Д. К.* Пропаганда

Наиболее активно в рамках советской историографии развивалось такое направление как «критика реакционной западной историографии». В статьях и работах Л. А. Безыменского, Г. М. Иваницкого, А. Н. Мерцалова, О. А. Ржешевского давался критический анализ трудов западных ученых в области военного плена[5]. Подавляющая часть из них расценивалась как «идеологическая диверсия антисоветских кругов», цель которой заключается в реабилитации фашизма.

Второй период историографии (с 1990 г. до настоящего времени) — период интенсивного изучения проблемы на основе обширной источниковой базы, представленной, главным образом, рассекреченными архивными документами. В данный период проблема военнопленных в СССР получает свое осмысление в диссертационных и монографических исследованиях С. С. Букина, В. П. Галицкого, В. Б. Конасова, А. А. Крупенников, Е. Л. Катасоновой, С. И. Кузнецова, А. С. Смыкалина, С. Карнера, А. Хильгера[6]. Работу с пленными в тыловых районах рассмотрела И. В. Власова, взаимодействие советских политорганов с НКСГ — В. А. Всеволодов, деятельность УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР — И. В. Безбородова, трудовое использование военнопленных — С. Г. Сидоров, проблему уголовной ответственности гитлеровцев за военные преступления — А. Е. Епифанов, правовой статус пленных в годы Второй мировой войны — Т. А. Щелокаева[7].

немецких антифашистов среди солдат и офицеров вермахта на советско-германском фронте в 1941—1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1972; *Погребной Н. Г.* Деятельность немецких антифашистов в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1964.

[5] *Безыменский Л. А.* История одной «Истории» // Новое время. — 1976. — № 5. — С. 12—13; *Иваницкий Г. М.* К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне // Информационный бюллетень. — М.: Институт военной истории МО СССР. — 1977. — №18. — С. 34—35; *Мерцалов А. Н.* Великая Отечественная война в историографии ФРГ. — М.: Наука, 1989. — С. 30; *Ржешевский О. А., Иваницкий Г. М.* Правда и ложь о жизни немецких военнопленных в СССР // Военно-исторический журнал. — 1978. — № 10. — С. 76—82.

[6] *Букин С. С.* В чужой земле. — Новосибирск, 2000; *Галицкий В. П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД. — М., 1997; *Конасов В. Б.* Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941—1956 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1998; *Крупенников А. А.* Тяжкая ноша плена. — М., 2001; *Катасонова Е. Л.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. — М., 2003; *Кузнецов С. И.* Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945—1956 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. — Иркутск, 1994; *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. — Екатеринбург, 1997; *Карнер С.* Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941—1956. — М., 2002; *Hilger A.* Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. 1941—1956. — Essen, 2000.

[7] *Власова И. В.* Работа с военнопленными в тыловых районах советских фронтов в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1994; *Всеволодов В. А.* Взаимодействие политорганов Красной Армии и Национального комитета «Свободная Германия» в борьбе против фашизма (1943—1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1991; *Безбородова И. В.* Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР (1939—1953): Дис. ... канд. ист. наук. — М., 1997; *Сидоров С. Г.* Труд военнопленн-

Предпринимаются и попытки изучения проблемы иностранных военнопленных на региональном уровне. На сегодняшний день наиболее изученными в этом отношении являются территории Дальнего Востока, Среднего и Южного Урала, Ярославской и Сталинградской областей[8]. Тем не менее, исследователь найдет на географической карте России гораздо больше регионов, для которых история военного плена продолжает оставаться «белым пятном». Одним из них является Европейский Север.

Характерной особенностью изучения истории иностранных военнопленных Второй мировой войны на Европейском Севере является отсутствие специального научного исследования. Отдельные сюжеты рассматриваемой проблемы получили отражение в книгах и статьях В. Б. Конасова, С. Г. Веригина, А. А. Киселева, Ю. Е. Рыбалкина, Р. Денель[9]. Работы этих авторов носят постановочный характер и не претендуют на исчерпывающее исследование проблемы.

Отсутствие научной разработки проблемы пребывания военнопленных на Европейском Севере привело к тому, что о положении пленных в указанном регионе сложились неверные представления. С подачи ряда историков и журналистов (В. К. Абаринов, Н. А. Морозов, А. Нестеренко, Ж. Росси) Европейский Север стал считаться местом массового уничтожения военнопленных[10]. В немалой степени подобная

ных в СССР в 1939—1956 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. — Волгоград, 2001; *Епифанов А. Е.* Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): Дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001; *Щелокаева Т. А.* Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939—1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2000.

[8] *Базаров О. Д.* Японские военнопленные в Бурятии (1945—1948 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 1997; *Баранова Н. В.* Материальный ущерб, нанесенный промышленности Верхнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны и привлечение к ее восстановлению немецких военнопленных (1941—1949 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. — Ярославль, 1998, *Бондаренко Е. Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914—1956). — Владивосток, 2002; *Епифанов А. Е.* Сталинградский плен 1942—1945 гг. — М., 1999; *Рожкова Е. К.* Иностранные военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943—1950-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. — Оренбург, 2002; *Суржикова Н. В.* Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942—1956 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. — Екатеринбург, 2001.

[9] *Конасов В. Б.* Как лечили военнопленных // Резонанс. — 1990. — № 19. — С. 14—16; *Конасов В.Б., Судаков В.В.* Эхо минувшей войны. — Вологда, 1994; *Веригин С. Г.* Финские военнопленные на территории Северо-Запада России в период зимней войны 1939—1940 гг. // Новый Часовой. — 1999. — № 8—9. — С. 85—91; *Киселев А. А.* Военнопленные на Кольском полуострове // Проблемы военного плена: История и современность. — Ч. 2. — Вологда, 1997. — С. 230—234; *Рыбалкин Ю. Е.* Испанские военнопленные Второй мировой войны в СССР // Там же. — С. 247—251; *Dehnel R.* Deutsche Kriegsgefangene im Gebiet Wologda 1942—1949. — Hamburg, 1995.

[10] *Абаринов В. К.* Катынский лабиринт. — М., 1991. — С. 49—51, 66; *Морозов Н. А.* ГУЛАГ в Коми крае: 1929—1956 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Екатеринбург, 2000; *Нестеренко А.* В поисках правды // Красный Крест России. — 2000. — № 2. — С. 20—24; *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. — Ч. 1. — М., 1991. — С. 59—65.

драматизация (а нередко и вымысел) положения военнопленных на Европейском Севере во многом объясняется общими тенденциями развития исторической науки в последнем десятилетии XX в. Так все, что было связано с системой ГУЛАГ-ГУПВИ, рассматривалось исключительно в черном свете. При этом в сторону отбрасывался анализ реальных фактов, действительного положения военнопленных в военные и послевоенные годы.

Проблемой исследования является выяснение характера и особенностей политики Советского государства по отношению к военнопленным, оказавшимся на Европейском Севере СССР.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы путем комплексного анализа исторических, историко-правовых и экономических аспектов изучаемой темы, воссоздать всестороннюю и объективную картину положения иностранных военнопленных на территории Европейского Севера СССР, а также выявить специфические черты, характеризующие их положение в данном регионе в 1939—1949 гг.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд исследовательских задач:

— проанализировать нормативно-правовую базу пребывания военнопленных на Европейском Севере в военные и послевоенные годы, выяснить ее соответствие международному праву;

— проследить эволюцию системы лагерей и других мест содержания обезоруженных солдат и офицеров противника, охарактеризовать динамику численности и состав контингента;

— исследовать основные характеристики и особенности материально-бытового (продовольственного, вещевого, медицинского) обеспечения пленных;

— выявить принципы организации трудовой деятельности, основные сферы приложения труда пленных и их вклад в развитие экономики Европейского Севера;

— раскрыть особенности существования лагерного социума и психологии военнопленных, характер их взаимоотношений с лагерным персоналом и местным населением;

— изучить основные стороны и динамику политической и оперативно-следственной работы среди бывших неприятельских военнослужащих, выяснить своеобразие судебных процессов над военнопленными на Европейском Севере.

Методологической основой исследования решения поставленных диссертантом проблем стали общепринятые в историческом исследовании принципы диалектики и историзма, объективности и системности научного анализа.

Принципы диалектики и историзма позволили рассмотреть историю пребывания иностранных военнопленных на территории региона в динамике, в тесной взаимосвязи с процессами, происходившими внутри страны и на международной арене. Принцип научной объективности дал возможность проанализировать проблему с учетом исторических реалий 1940-х гг. минувшего столетия. Руководствуясь этим принципом, диссертант стремился преодолеть сложившиеся стереотипы с одной стороны — об ужасах русского плена, с другой — о якобы генетически присущей социалистическому строю гуманности.

Особое место в методологии изучения проблемы занимает системно-структурный подход. Он предполагает рассмотрение объекта исследования как сложной, меняющейся во времени и пространстве системы во взаимосвязи с другими сложными системами — пенитенциарной практикой Советского государства, его политикой в отношении подданных иностранных государств, принимавшей на региональном уровне специфические очертания и формы.

Важной составляющей методологии явился историко-сравнительный метод, который предполагает сопоставление полученных результатов исследования с данными других исследований регионального уровня. В нашем случае, речь идет о сопоставлении положения пленных, размещенных на территории Европейского Севера, с положением бывших военнослужащих вражеских армий в других районах страны, а также с положением заключенных ГУЛАГа и простых советских граждан в военные и послевоенные годы.

Историко-культурный метод применялся диссертантом при анализе взаимоотношений военнопленных с местным населением и лагерным персоналом, а также при рассмотрении процесса их адаптации к лагерной действительности. Характеризуя методологический инструментарий исследования, нельзя не сказать об описательном методе, имеющем целью дать представление о том или ином историческом факте и событии, а также документально-иллюстративном методе, вводящем в употребление документы минувшей эпохи и придающем описанию и его анализу большую доказательность. Наряду с названными в работе использовались и другие методы научного исследования, в частности, картографирование и метод математической статистики.

Источниковую базу диссертации помимо опубликованных документов, составили материалы 56 фондов 9 центральных и местных архивов, в том числе Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Государственного архива Архангельской области, Государственного архива общественно-политических движений и формирований Архангельской области, архива Управления внутренних дел по Архангельской области, Государственного архива Вологодской области, Вологодского областного ар-

хива новейшей политической истории, архива Управления внутренних дел по Вологодской области, Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

В целом все используемые источники можно разделить на несколько групп. К первой группе источников относятся **документы международно-правового характера**. Значительная часть этих источников (конвенции о защите жертв войны, международные договоры) на настоящий момент опубликована[11]. Эти документы позволяют изучить проблему военнопленных в контексте международных и дипломатических отношений, а также составить представление о позиции Советского государства по проблеме военного плена в сфере внешней политики.

Вторую группу источников образуют **законодательные и нормативные акты высших органов государственной власти.** К ним автор относит постановления Государственного Комитета Обороны, Совета Народных Комиссаров, приказы Наркомата обороны и Ставки Верхового Главнокомандования по вопросам обращения с иностранными военнопленными. Часть этих документов нашла отражение в ряде сборников, изданных в последние годы[12]. Особое место среди данной группы документов занимают приказы и директивы НКВД-МВД СССР, регламентирующие порядок содержания контингента, организацию трудового процесса и материально-бытового обеспечения (ГАРФ. Ф. 9401с. Оп. 1а). Они позволяют выявить политическую линию советского руководства в отношении бывших солдат и офицеров противника. Однако реального положения иностранных военнопленных эти документы, разумеется, не раскрывают.

Третью группу источников составляет **делопроизводственная документация** органов НКВД-МВД и предприятий, использующих труд военнопленных. Данный вид источников можно разбить на несколько подгрупп.

Первая подгруппа представлена *организационно-распорядительной документацией.* Сюда входят инструкции, циркуляры, распо-

---

[11] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. — Т. 2.: Документы и материалы (1 янв. — 31 дек. 1944 г.). — М., 1946; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. — Т. 8: 1939—1943 гг. — М., 1973; Основные положения Женевских конвенций и дополнительных протоколов к ним. — М., 1996; СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. — Т. 2. — М., 2000.

[12] Военнопленные в СССР: (1939—1956). Документы и материалы. — М., 2000; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР. — Т. 24. — М., 1996; Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР. — Т. 13. — М. 1994; Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941 — 1945. Документы и материалы. — Т. 14. — М., 1994; Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1941 год. — Т. 16. — М., 1996; Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы. 1941—1945 гг. — Т. 24. — Кн. 1—2. — М., 1999, 2002.

ряжения аппарата УПВИ-ГУПВИ, управлений НКВД-МВД по Вологодской и Архангельской областям и входивших в их структуру отделов по делам военнопленных и интернированных (ОПВИ), а также приказы начальников управлений лагерей и лагерных отделений, разъясняющие порядок содержания пленных. Вышеперечисленные документы дают возможность изучить механизм функционирования системы УПВИ-ГУПВИ, выявить особенности отношения к проблеме военнопленных в центре и на местах.

Вторую подгруппу делопроизводственной документации составляет *докладная документация*. К ней относятся докладные записки, сообщения и донесения управлений лагерей, ОПВИ УНКВД-УМВД по вопросам приема, учета, материально-бытового обеспечения пленных и организации политической и оперативной работы с ними. Как правило, в этих документах дается анализ работы за определенный период времени. Источники такого рода отмечает высокий уровень обобщения. Тем не менее, используя докладную документацию, исследователь должен делать поправку на некоторую лакировку, вызванную стремлением ее авторов показать ситуацию в выгодном для себя свете. Информацию из этих документов следует соотносить с другими видами делопроизводственной документации.

Третьей подгруппой делопроизводственной документации являются *материалы учетно-статистического характера* (строевые записки о численности и составе контингента, месячные, квартальные и годовые отчеты лагерей и спецгоспиталей). Информационную основу отчетов составляют статистические данные, которые позволяют изучить динамику численности лагерного контингента, его этнический состав, количественные стороны производственной деятельности лагерей. Каждый отчет сопровождался объяснительной запиской, где пояснялись причины изменения тех или иных показателей. Несмотря на большую информационную ценность, отчетная документация лагерей требует к себе критического отношения. Многие отчеты являлись лишь механическим суммированием данных, представляемых в соответствующие управления и отделы УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР. Цифровые данные нередко помещались в доклады без должного анализа и оценки. Поэтому при написании работы приходилось проверять сведения, устраняя обнаруженные неточности и противоречия.

Четвертая подгруппа делопроизводственной документации представлена *текущей деловой перепиской* (служебные письма и телеграммы, переписка по вопросам трудового использования и репатриации контингента и т. п.). Среди текущей переписки лагерей нередко встречаются документы с предложениями реорганизации режима содержания и охраны пленных. Большой интерес представляют списки предприятий и организаций, использовавших труд пленных, документы,

разрешающие многочисленные конфликты между ОПВИ и хозорганами по вопросам трудового использования контингента. Переписка лагерных чиновников с Москвой показывает, с какими трудностями проводилось в жизнь то или иное указание НКВД-МВД СССР.

Четвертую группу источников составили **архивно-следственные дела** осужденных военнопленных. Они содержат протоколы допросов пленных, приговоры военных трибуналов, кассационные жалобы осужденных, свидетельские показания. Эти источники позволяют определить категории пленных, привлекаемых к судебной ответственности, выявить основания для их осуждения, а также соотнести степень адекватности наказания с тяжестью совершенного преступления, т. е. изучить проблему судебного преследования военнопленных.

В процессе работы над диссертационным исследованием широко привлекались **документы личного происхождения.** Так, в фонде антифашистского отдела при политотделе ГУПВИ МВД СССР (№ 4/п), хранящегося в РГВА, удалось обнаружить коллекцию материалов, освещающих творчество пленных в лагерях Вологодской и Архангельской областей. Она включает в себя литературные, музыкальные, исторические произведения, созданные в неволе руками бывших вражеских солдат и офицеров. Получили в диссертации отражение и материалы Вологодского областного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Ф. 42). В данном фонде содержатся альбомы с письмами, рисунками, стихами пленных, которые позволяют составить представление об уровне и характере культурно-массовой работы, а также понять настроения, чаяния и ожидания военнопленных, т. е. изучить психологию обитателей лагерных бараков.

Богатую информацию о психологии военнопленных, их взаимоотношениях с лагерным персоналом и местным населением несут *мемуары*, которые по критерию авторства можно разделить на две группы: а) воспоминания военнопленных и б) воспоминания советских граждан.

Бывшие пленные в своих мемуарах рассказывают об условиях жизни за колючей проволокой, описывают процесс труда на советских предприятиях[13]. Большой интерес вызывают размышления авторов о советской действительности, о глубинных причинах происходившего в Советском Союзе. Тем не менее, многие оценки мемуаристов крайне субъективны и тенденциозны.

---

[13] *Гожеховский Г.* На катынской дороге // Катынь: Свидетельства, воспоминания, публицистика. — М., 2001. — С. 28—57; Исторические свидетельства иностранцев о Европейском Севере. Тетрадь первая. Из записок немецкого военнопленного (1944—1948 гг.). — Вологда, 1999; *Кликовский Е.* Я был адъютантом генерала Андерса. — М., 1991; *Флисиньски В.* По северным лагерям // Еренский городок: Краеведческий альманах. — Яренск, 2000. — С. 125—137.

Вторая группа мемуаров представлена воспоминаниями советских граждан, непосредственно общавшихся с пленными или работавших с ними по роду своей служебной деятельности[14]. Данная подгруппа мемуаров открывает перед исследователем сложный процесс взаимоотношений между пленными и местным населением.

К использованным в работе **фотодокументам** относятся материалы РГВА, архивов УВД Вологодской и Архангельской областей, Мемориального музея немецких антифашистов, запечатлевшие пребывание иностранных военнопленных на Европейском Севере. В ходе исследования также использовалась **периодическая печать** 1940-х гг. Были проработаны материалы как центральных («Правда» и «Известия»), так и местных изданий («Красный Север» и «Правда Севера»). Ценность этого вида источника заключается в том, что он, во-первых, выполняет информативную функцию (сводки Совинформбюро о количестве захваченных в плен неприятельских солдат и офицеров, материалы о судебных процессах над немецко-фашистскими оккупантами и т. п.), во-вторых, наглядно показывает деятельность средств массовой информации по формированию «образа врага», демонстрирует пропагандистский подход советских политорганов к проблеме плена.

Научная новизна диссертации определяется тем, что данная работа представляет собой первое комплексное историческое исследование, в котором раскрываются особенности положения иностранных военнопленных на Европейском Севере в годы Второй мировой войны и в послевоенный период. При этом региональная специфика рассматривается в тесной взаимосвязи с характеристикой политики Советского государства в отношении оказавшихся в его власти военнослужащих противника, что существенно облегчает понимание многих процессов. Среди факторов, обуславливающих новизну исследования, необходимо также отметить введение в научный оборот значительной части неизвестных ранее архивных документов. Наконец, рассматриваемая тема не являлась до настоящего времени предметом специального исследования.

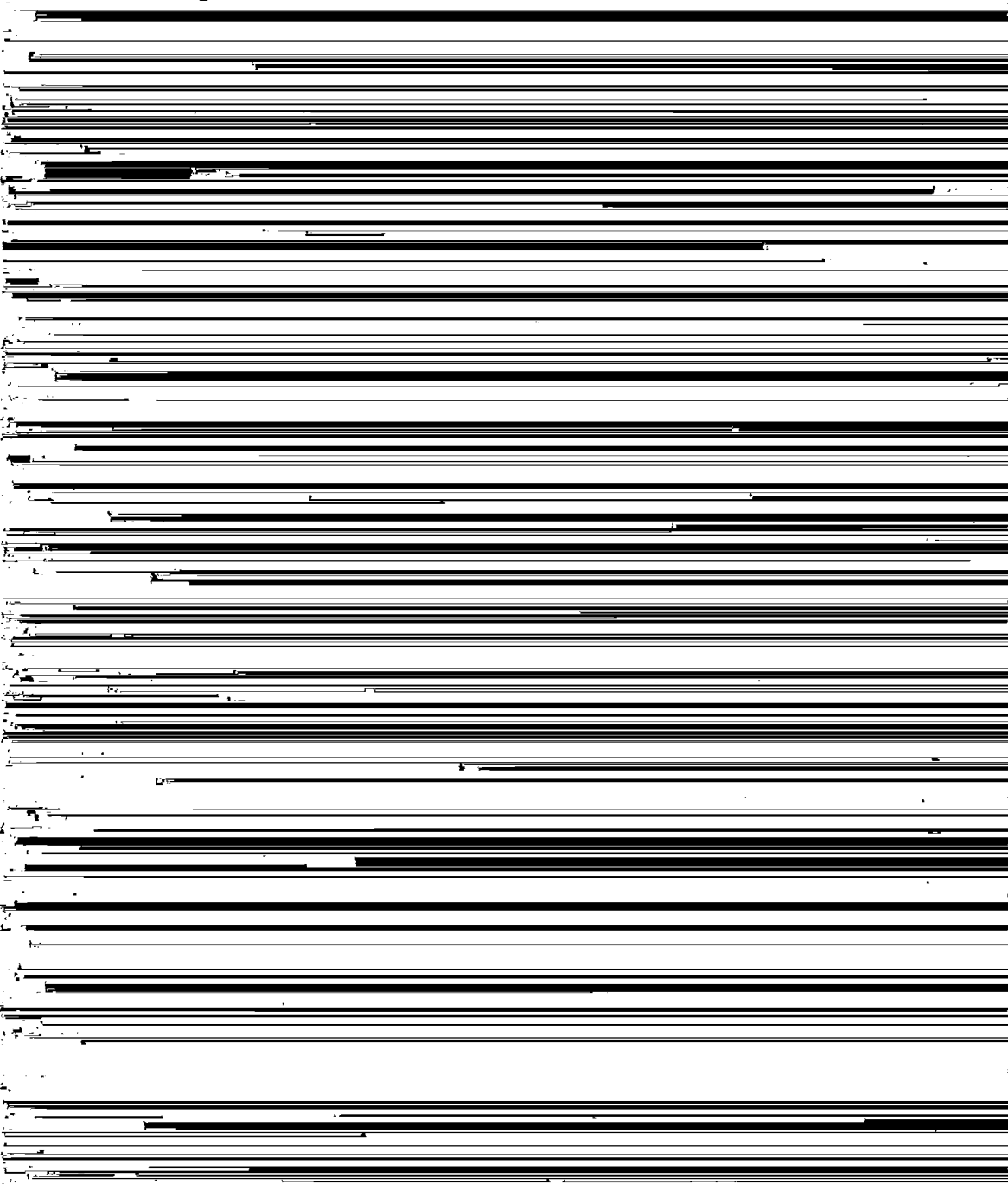
На защиту выносятся следующие положения:

— характер политики Советского государства по отношению к военнопленным, оказавшимся на Европейском Севере СССР;

---

[14] *Берников Н. Н.* Некоторые особенности пропагандистской деятельности Национального Комитета «Свободная Германия» и его место в движении сопротивления гитлеризму // «За Германию — против Гитлера!»: Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. — М., 1993. — С. 17—18; *Бурлов А. Н.* Немцы, ребята, немцы! // *Бурлов А. Н.* А ты мне, улица родная...: О Молотовске-Северодвинске, о друзьях-товарищах и немного о себе. — Северодвинск, 2000. — С. 81—85; *Подольный И. А.* Школы моей жизни: Из записок счастливого человека. — Вологда, 1996. — С. 43—46.

— важнейшие особенности правового и материально-бытового положения иностранных военнопленных Второй мировой войны в регионе;



неных бывших неприятельских солдат и офицеров. Именно на этот период приходится 90 % всех случаев смертности среди контингента за все время существования лагерей. Как показывают отчеты спецгоспиталей, почти 70 % пленных поступали на лечение с диагнозом «дистрофия», на долю которой приходилось до 80 % всех летальных исходов. Не удалось избежать и высокой смертности среди военнопленных, заболевших дизентерией, пневмонией и туберкулезом.

Всего за 1939—1949 гг. в Вологодской и Архангельской областях погибло 8607 военнопленных, что составляет 10 % к общей численности дислоцировавшегося в регионе контингента. В этой связи уместно упомянуть, что только среди населения Вологодской области в годы войны от голода, эпидемий и изнурительной работы из 1 млн. 580 тыс. чел. скончалось более 220 тыс. чел., т. е. 14 % жителей региона. Наконец, смертность иностранных военнопленных была почти в 6 раз ниже, чем смертность советских военнослужащих, находившихся в фашистских лагерях. Если в немецком плену погиб каждый второй советский солдат, то в лагерях Европейского Севера СССР — лишь каждый десятый военнослужащий неприятельских армий. Эти цифры опровергают точку зрения ряда западных и отечественных историков о повальной смертности иностранных военнопленных в северных лагерях. Наоборот, данное числовое соотношение показывает, что сотрудникам лагерей и спецгоспиталей, несмотря на неблагоприятные климатические условия, удалось сохранить жизнь подавляющего большинства солдат и офицеров вражеских армий.

В третьей главе — «Особенности существования лагерного социума» — анализируются морально-психологическое состояние пленных за колючей проволокой, формы и методы политической и оперативной работы с ними, взаимоотношения с местным населением и лагерным персоналом.

В первом параграфе раскрывается психология иностранных военнопленных. При этом выясняется, что психологическое состояние неприятельских военнослужащих, в конечном итоге оказавшихся в плену, характеризуют три стадии. В основе первой лежит страх перед пленом и стремление избежать попадания в руки неприятеля. Знаковым событием второй стадии является шок человека, попавшего в плен. Третья стадия — медленный и болезненный процесс адаптации к жизни за колючей проволокой.

Плен в Советском Союзе означал для неприятельских солдат крушение прежних жизненных идеалов. Это было связано не только с повседневными лишениями и страданиями, но и с полной неизвестностью о продолжительности плена и о шансах на выживание. Порожденные режимом военного плена стрессовые ситуации, в свою очередь, приводили к внутриличностным и межличностным конфликтам, в ос-

нове которых лежало противоречие между воинским долгом и потребностью выжить. Одним из последствий длительной стрессовой ситуации являлись апатия, безразличное отношение к своей жизни.

За время существования лагерей сложилась устойчивая социальная структура, в которой каждому из пленных отводилось свое место. Привилегированное положение в лагере занимал антифашистский актив, кухонный и административно-хозяйственный персонал, а также «бывалые» пленные и «старики». Внизу социальной иерархии находилась масса так называемых «новичков», не успевших адаптироваться к лагерной жизни. Длительное пребывание за колючей проволокой вырабатывало у пленных умение принимать правильное решение в самых критических ситуациях, укрепляло, как это не парадоксально, людей психически и физически. Приспособляемость имела и отрицательные последствия: лагерь был школой лжи, жестокости, деморализации, нивелирования чувства собственного достоинства. Годы, проведенные в лагерях УПВИ-ГУПВИ, на каждого пленного наложили свой отпечаток, выражавшийся в изменении психики (повышенная тревожность, неуверенность в завтрашнем дне) и внешней стороны поведения (стремление к одиночеству, игнорирование правил этикета).

Для облегчения своего положения за колючей проволокой военнопленные прибегали как к активным (диверсия, саботаж, побег), так и к пассивным формам сопротивления (голодовка, симуляция, членовредительство, суицид). При этом пассивные формы сопротивления оказывались наиболее результативными. В свою очередь, лагерные власти старались учитывать национальную психологию пленных и размещать контингент по этническому признаку. Сохранение этнической целостности позволяло пленным сохранять национальную самобытность, поддерживать свои культурные традиции. Отрицательным моментом этнического размежевания было то, что лагерные власти зачастую использовали национальные противоречия для управления лагерным социумом, действуя по принципу «разделяй и властвуй».

Второй параграф посвящен анализу содержания, форм и методов политической и культурно-массовой работы с пленными в лагерях Европейского Севера.

Агитационно-пропагандистская работа с неприятельскими военнослужащими на северном театре боевых действий начиналась еще до их попадания в плен и велась посредством спецпропаганды. Методы и формы спецпропаганды на протяжении Второй мировой войны прошли длительную эволюцию, которая заключалась в отходе от примитивных классовых лозунгов к методам разностороннего психологического воздействия на противника.

Политическую работу с военнопленными в лагерях можно разделить на три периода: 1939—1941 гг. — период политического перевос-

питания в духе пролетарского интернационализма польских и финских пленных; 1941—1945 гг. — период становления антифашистского движения в лагерях, создания НКСГ и СНО; 1946—1949 гг. — период массовой политической работы с опорой на антифашистский актив. Основной целью агитационно-пропагандистской работы на протяжении всех трех периодов являлось высвобождение сознания пленных от фашистской и нацистской идеологии и привитие им марксистского мировоззрения.

В каждом лагере был сформирован антифашистский актив, в задачи которого входило не только проведение политической учебы среди военнопленных, но и помощь лагерному руководству в выполнении административно-хозяйственных функций. Активное участие в антифашистской работе с пленными немцами принимали Национальный комитет «Свободная Германия» и Союз немецких офицеров. После разгрома фашистского государства деятельность этих организаций сворачивается, а акцент смещается на пропаганду ударного труда по восстановлению народного хозяйства СССР, разоблачение агрессивной политики западных держав, подготовку кадров для новой социалистической Германии и стран «народной демократии».

Подчеркнем, что главным побудительным мотивом антифашистского движения в лагерях были не стремление выжить и давление советских политорганов, хотя последние тоже имели место, а осознание пленными захватнического и несправедливого характера войны со стороны Германии, разочарование в нацистских идеалах. Вместе с тем, советские политорганы не сумели убедить основную массу пленных в преимуществах советского строя и привить им коммунистическое мировоззрение. Фактически до самого конца плена среди обитателей лагерных бараков существовало резкое идейно-политическое размежевание — процесс, охвативший в годы «холодной войны» всю послевоенную Европу и расчленивший ее на два враждебных лагеря.

Важным инструментом политической работы с пленными являлась переписка. При наличии цензорского контроля она давала возможность следить за настроениями военнопленных, что позволяло более эффективно проводить политическую работу. Кроме того, организация переписки являлась важным аргументом СССР перед международным сообществом, доказывающим соблюдение Советским государством основных принципов международного права.

Значительное внимание в лагерях уделялось культурно-массовой работе с военнопленными. Кино, театр, художественная самодеятельность, экскурсии и иные формы этой работы заполняли досуг, сглаживали тяготы плена и способствовали нормализации отношений между различными национальностями. Вместе с тем, принцип «искусство

должно быть партийным» красной нитью проходил через культурно-массовую работу.

В третьем параграфе дается характеристика оперативно-следственной работы и судебных процессов над бывшими вражескими солдатами и офицерами.

В оперативной работе с учетом ее приоритетов целесообразно выделить ряд этапов: 1939—1940 гг. — оперативная работа по выявлению среди польских и финских военнопленных антисоветского элемента; 1941—1945 гг. — разведывательная и контрразведывательная работа среди бывших солдат и офицеров вермахта; 1946—1949 гг. — выявление среди военнопленных военных преступников.

За годы существования лагерей был сформирован многочисленный агентурно-осведомительный аппарат. Основная масса агентов и осведомителей была завербована в 1944—1945 гг. С их помощью была получена информация разведывательного характера о более чем 300 военных и экономических объектах Германии и ее союзников, предупреждены многочисленные попытки симуляции, побегов, хищений, пресечена деятельность ряда профашистских групп.

Компетентные органы проделали большую работу по установлению и расследованию злодеяний, совершенных нацистскими преступниками как на оккупированной советской территории, так и за рубежом. Компрометирующий материал был собран на 3000 пленных, более 400 чел. из них были этапированы для суда и следствия по месту совершения преступлений. Одни из них закончили свою жизнь на виселице, другие получили срок от 10 до 25 лет каторжных работ.

В конце 1940-х гг. рассмотрение дел военнопленных проводилось в рамках закрытых заседаний военных трибуналов. Эти судебные процессы шли параллельно с завершением репатриации военнопленных. В условиях крайнего дефицита времени и квалифицированных специалистов, а также под воздействием жестких политических установок, направленных на быстрейшее завершение судов над виновниками зверств и злодеяний, оказалось невозможным обеспечить высокое качество оперативно-следственной работы.

Об имевших место фактах репрессивной политики в отношении пленных свидетельствует их привлечение к уголовной ответственности по печально известной политической 58-й статье УК РСФСР. Грубые нарушения законодательства допускались в следственной практике, доказательством чему являются зафиксированные в архивных документах факты рукоприкладства, угроз и психологического давления на подследственных. Неслучайно, в настоящее время Главная военная прокуратура РФ проводит реабилитацию незаконно осужденных иностранных военнопленных.

Четвертый параграф посвящен рассмотрению проблемы взаимоотношений между военнопленными — с одной стороны и сотрудниками лагерей и местным населением — с другой. Изученные материалы свидетельствуют, что существенную роль в отношениях между пленными и советскими гражданами играл сформированный военной пропагандой «образ врага». Первое время, как те, так и другие относились друг к другу с неприкрытой враждебностью. Однако в процессе общения и совместной трудовой деятельности происходило постепенное размывание «образа врага». Многие северяне старались как-то помочь пленным: доставали им продукты, табак, помогали в обмене вещей.

Существенную эволюцию за годы плена претерпели отношения пленных и лагерного персонала. Общение в рамках служебно-должностных инструкций уступило место «неформальному» общению. Результаты нашего исследования опровергают точку зрения немецкого историка А. Хильгера, согласно которой стереотипы нацистской пропаганды не исчезали в плену и продолжали определять восприятие немецкими солдатами России. Именно плен окончательно раскрыл глаза на сущность русского народа многим бывшим военнослужащим вермахта. Справедлив диагноз, поставленный немецкой нации Генрихом Бёллем: немцы были бесчеловечны как победители и очеловечились лишь в роли побежденных[16].

В заключении подведены итоги диссертационного исследования. Анализ деятельности северного островка «архипелага ГУПВИ» позволяет говорить о том, что Советское государство параллельно решало две задачи: политическую и экономическую. Основная цель политической работы заключалась в идеологическом перевоспитании военнопленных и подготовке кадров для стран так называемого «социалистического лагеря». Одновременно решалась и экономическая задача. Силами военнопленных, как одной из многочисленных категорий спецконтингента, осуществлялась продуманная и долговременная стратегия освоения природных богатств Европейского Севера. Как показала практика, прагматичный подход и далеко идущие политические планы советского руководства явились надежной гарантией сохранения жизни бывших солдат и офицеров противника.

Результаты исследования показывают полную несостоятельность попыток ряда отечественных и зарубежных историков отождествлять положение иностранных военнопленных в северных лагерях ГУПВИ с положением советских военнопленных в концлагерях фашистской Германии. Достаточно сказать, что лагеря Европейского Севера никогда не были базой для медицинских экспериментов, в них не дымили трубы крематориев, не устраивались публичные казни. Если политика

---

[16] Цит. по: *Борозняк А. И.* Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? — М., 1999. — С. 216.

фашистской Германии была направлена на уничтожение военнопленных, то политика СССР — на сохранение их жизни. В этом заключается принципиальное отличие положения иностранных военнопленных в СССР и советских военнопленных в Германии.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Проблема захоронений иностранных военнопленных на территории СССР // PER ASPERA...: Материалы межвузовской конференции молодых ученых. — Череповец, 2001. — С. 16.
2. Иностранные военнопленные Второй мировой войны в СССР: современный этап изучения проблемы // Вузовская наука — региону. — Вологда, 2001. — С. 265—266.
3. Историография вопроса о медицинском обеспечении иностранных военнопленных в СССР (1941—1956 гг.) // Традиции в контексте русской культуры: Межвузовский сборник научных работ. — Вып. VIII. — Череповец, 2001. — С. 330—336.
4. «В чужой земле» [Рец. на кн.: Букин С. С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944—1948 гг. — Новосибирск, 2000. — 311 с.] // Источник (Вологда). — 2001. — №5. — С. 57—59.
5. Изучение проблемы иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР: прошлое, настоящее, будущее // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. — Вып. IX. — Вологда, 2001. — С. 78—86.
6. К вопросу о пребывании
   Грязовецком лагере Н
   Вып. 8. — Вологда, 200
   ным).
7. Польские военноплен
   Исторический очерк, д
   соавторстве с В.Б. Кон
8. Из истории Вологодс
   исследователи — реги
9. Использование труда
   повца: 1942—1949 гг.
   С. 341—343.
10. Немецкие военноплен
    вочно-понятийный ап
    В. Б. Конасовым).
11. Из истории становлен
    военнопленных и инте
    История и перспектив
    логда, 2002. — С. 123–
12. Военнопленные специ
    дов участников III Ме
    повец, 2002. — С. 163–
13. Неизвестные строител
    ные на строительстве
    версталь: история и сов

14. Продовольственное обеспечение иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР // Ноосферные знания и технологии. XXI век: Тезисы докладов научно-практической конференции. — Череповец, 2002. — С. 129—131.
15. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939—1955). Очерки и документы. — Вологда, 2002. — 160 с. (в соавторстве с В. Б. Конасовым).
16. Вологжане в воспоминаниях иностранных военнопленных // Вологодская область в годы Великой Отечественной войны: уроки прошлого и опыт настоящего. — Вологда, 2002. — С. 47—55.
17. Россия и лагерный мир глазами иностранцев // Шаламовский сборник. — Вып. 3. — Вологда, 2002. — С. 189—205.
18. Военнопленные Второй мировой войны в Вологодской области (историографический обзор) // Традиции в контексте русской культуры: Межвузовский сборник научных работ. — Вып. IX. — Череповец, 2002. — С. 328—336.
19. Финские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. — Вып. X. — Вологда, 2002. — С. 63—73.
20. В плену Страны Советов: Военнопленные и интернированные поляки в Грязовецком лагере НКВД (1939 — 1941 гг.) // Новый Часовой. — 2002. — № 13—14. — С. 55—79 (в соавторстве с В. Б. Конасовым).
21. Советское законодательство по вопросу обращения с иностранными военнопленными в годы Второй мировой войны // Вузовская наука — региону. — Вологда, 2003. — С. 636—639.
22. Рец. на кн.: Букин С. С. В чужой земле: Памяти военнопленных, умерших в Новосибирской области в 1944—1948 гг. — Новосибирск: Изд-во «Гуманитарные технологии», 2000. — 311 с. // Отечественная история. — 2003. — № 3. — С. 166—167 (в соавторстве с В. Б. Конасовым).
23. Сельскохозяйственное производство в лагерях военнопленных: 1940—1948 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) // Крестьянство и власть на Европейском Севере России. — Вологда, 2003. — С. 165—175.
24. К истории отдела по делам военнопленных и интернированных УНКВД-УМВД по Вологодской области (1945—1949 гг.) // Историческое краеведение и архивы. — Вып. 9. — Вологда, 2003. — С. 93—102.